

Повторив цикл десять раз, Е Юй наконец почувствовал, что пришёл в себя. Он тут же освободился из объятий Чао Миня и, приняв вид добродушного старшего брата, с выражением праведной решимости на лице приступил к великой миссии воспитания маленького чертёнка, сравнивая это с посадкой деревьев на сто лет вперёд и воспитанием человека на десять.

— Малыш, если кто-то хочет нас убить, мы должны бежать, если можем. Если не можем, то сразу же начинаем сопротивляться, чтобы спасти себя. И если в процессе сопротивления мы случайно убьём врага, это будет вынужденная чрезмерная самооборона. Самозащита — это хорошо, но если мы уже убили того, кто хотел нас убить, то его семья не должна из-за желания чрезмерно защищаться идти на уничтожение. Иначе это уже не будет называться самообороной, это будет убийство и психопатия.

Маленький чертёнок молча смотрел на этого наивного до смешного юношу и, наконец, скупым на слова, но точным комментарием выдал:

— Лицемер.

Е Юй тут же горько усмехнулся.

— Я знаю, но лицемер всё же лучше, чем настоящий психопат. В любом случае, убийство — это ошибка. В этом мире есть вещи, которые нельзя делать, даже если тебя заставляют их делать. Ты должен понимать, что это неправильно.

Он каждый день кричал, что хочет уничтожить того великого демона, который сеет хаос в мире, но разве он не понимал, что сам идёт по кровавому пути, с которого нет возврата?

Вызвать полицию, чтобы арестовать психопата-убийцу, и самому взять нож и заколоть его — это совершенно разные ощущения.

Е Юй должен был радоваться, что тот, кого он хотел убить, был настолько плохим, что гнил с ног до головы, психопатом. Даже если бы он заколоть Чао Миня, в оставшейся жизни ему не пришлось бы нести тяжесть убийства невинного человека ради собственного выживания.

— Убийство — это ошибка? — Чао Минь заинтересовался этой теорией и невольно улыбнулся милой улыбкой.

— Да, даже если ты убиваешь дьявола, твои руки уже не будут чистыми. Поэтому не учишься у тех психопатов и не стремишься стать каким-то справедливым героем. Когда вернёшься домой, просто учишься, расти, найди хорошую жену, роди толстого малыша, и твоя жизнь будет счастливой и благополучной.

Разве не самое большое счастье в жизни — иметь компьютер на солнечной энергии, дом с забором и туалетом, заниматься сельским хозяйством, разводить кур, жить самодостаточно и тихо доживать свои дни?

Это была самая большая мечта Е Юя, который в прошлой жизни был затворником, и в этой жизни продолжал быть им. Он даже не думал о женитьбе, потому что женитьба вела к детям, а дети — к хаосу. Такая жизнь была слишком шумной, и он к этому не привык.

Не говоря уже о том, что этот мир уже и так слишком шумный, полный убийств на улицах. Е Юй начал скучать по тем дням, когда он мог свободно играть в игры.

Чао Минь вдруг перестал улыбаться. Его глаза стали глубокими и тёмными, словно он о чём-то размышлял. Затем он тихо и спокойно произнёс:

— У меня нет дома.

Или, точнее, что такое дом?

Е Юй ошарашенно поднял на него взгляд, увидев в его глазах спокойствие, похожее на безразличие. Затем Е Юй наконец заплакал, вытирая рукавом уголки глаз и громко рыдая.

— Неужели ты действительно собираешься пристать ко мне на всю жизнь?

Если у него нет дома, то куда он может выбросить этого маленького чертёнка? Здесь нет приютов для сирот, снаружи полно психопатов, он сам едва справляется, а тут ещё и ребёнок, которого он не может содержать.

Порывав некоторое время, Е Юй заказал еду, заставил маленького чертёнка съесть полмиски риса и немного овощей, а затем сам с аппетитом доел остальное. После этого он сказал чертёнку:

— Я ненадолго выйду. Ни в коем случае не уходи отсюда, и если кто-то постучится в дверь, не открывай. Это страшные бабушки-волчицы, они едят людей. Никого не слушай, кроме меня, понял?

Чао Минь не выразил никаких эмоций. Он лишь заметил, что Е Юй собирается выйти.

Затем он увидел, как Е Юй без колебаний открыл дверь и вышел, ни разу не оглянувшись. Чао Минь с каменным лицом смотрел на удаляющуюся фигуру Е Юя, опёршись подбородком на руку. В его глазах была ледяная холодность.

Эта игра, похоже, стала не такой уж интересной. Или, может, лучше просто убить Е Юя.

[Система]: Чао Минь: Не оглянись — убью.

Е Юй растерянно обернулся.

Чпок.

Е Юй снова побежал на рынок, бормоча про себя «Амитофо». Он крадучись подошёл к лавке с вонтонами, чтобы посмотреть, что стало с телом монаха.

Когда он добрался до лавки, то обнаружил, что на месте происшествия ничего не осталось, даже сама лавка уже была закрыта. Он стоял один на том же месте, где раньше стоял монах, и видел много красной жидкости, которая, высохнув, превратилась в ужасный тёмный цвет. Он посмотрел на это дважды, почувствовал холод в спине и поспешил обратно.

Даже если это была чрезмерная самооборона, это не отменяло факта, что он убил человека.

Он вдруг вспомнил одну фразу о мире боевых искусств: «Однажды вступив в мир боевых искусств, ты стареешь, и вражда никогда не заканчивается».

Чёрт возьми, почему все, кто видит Е Юя, хотят его убить? Что такого ужасного он сделал?

Е Юй хотел, если монах ещё жив, спросить его, что именно он сделал, чтобы в следующий раз, встретив какого-нибудь мастера, не быть атакованным без предупреждения. Даже если бы тот сказал, что Е Юй — убийца тысяч, ему пришлось бы с этим смириться, ведь он занял тело оригинального Е Юя и не мог отрицать этого. Он просто боялся, что не успеет узнать причину, прежде чем его убьют, и ему придётся снова переселяться. Разве это не несправедливо?

Он хотел сразу вернуться в гостиницу, но, проходя мимо магазина одежды, Е Юй остановился. Он колебался, ходя туда-сюда у входа в магазин. Внутри него боролись противоречивые чувства сострадания к маленькому чертёнку. Возможно, они оба были сиротами, и он особенно остро чувствовал одиночество того, кто рос без родителей и воспитания.

Его родители умерли, когда он был маленьким, попав в аварию во время поездки за границу на годовщину свадьбы. С тех пор он остался один, живя на наследство и компенсацию, растил себя сам, превратившись в нечто среднее.

Это одиночество было знакомо только тем, кто погружался в него глубоко.

Попав в этот странный мир, он снова оказался один. А маленький чертёнок стал первым, кого он здесь встретил. На самом деле, последние несколько дней, проведённые с ним, приносили Е Юю радость, но в его нынешнем положении он не мог взять его с собой в путь.

Будущее было слишком неопределённым, и Е Юй шёл вперёд с трепетом. Если в следующий раз на него нападёт какой-нибудь психопат, и маленький чертёнок погибнет из-за него, он будет сожалеть об этом всю жизнь.

С чётким пониманием ситуации в глазах, Е Юй твёрдо шагнул в магазин одежды. Пройдя

несколько шагов, он замедлился. Теперь он, можно сказать, был человеком, умеющим владеть мечом. Может, всё же взять чертёнка с собой? Е Юй мучительно размышлял, прежде чем снова опустить голову и продолжить путь в магазин. Взять чертёнка с собой означало бы просто накормить Чао Миня, этого большого психопата.

Когда он вернулся, уже близилась ночь. Е Юй нёс на спине новый маленький узелок, в руках держал палочку с карамелью, и спешил обратно в гостиницу. Вернувшись в свою комнату, он посмотрел на кровать и увидел, что маленький чертёнок уже спал. Его белое и милое лицо, с закрытыми глазами, выглядело спокойным и безмятежным, как у маленького ангела с картины.

Как такой милый ребёнок мог не иметь дома?

Е Юй сел на стул напротив чертёнка, хмурясь и размышляя, пока ел карамель. Закончив, он вытер руки об одежду, затем осторожно достал свои деньги, обменял банкноты на мелкие серебряные монеты и медяки. Затем он открыл маленький узелок, в котором лежали две новые одежды и две пары обуви. Он достал кошелек, положил туда деньги и поместил его в узелок.

Закончив с этим, Е Юй подошёл к кровати и с грустью посмотрел на маленького чертёнка. Он протянул руку, нежно погладил его чёрные волосы и тихо, с печалью в голосе, сказал:

— Прости, малыш, у меня нет времени искать твою семью. У меня есть важные дела, и я не могу взять тебя с собой. В следующем городке я оставлю тебя с кем-то, кто позаботится о тебе. А когда закончу свои дела, вернусь за тобой.

На самом деле Е Юй знал, что то, что он собирался сделать, могло стоить ему жизни. Но он не мог не утешать себя таким образом.

Оба они были людьми, потерянными в этом мире: один — с неопределённым будущим, другой — без дома.

Е Юй впервые почувствовал, насколько бессильной может быть жизнь. Он отвернулся, тихо всхлипнул, затем устало подошёл к креслу-качалке, лёг и, уставившись в потолок, заснул через минуту.

<http://bllate.org/book/15304/1352582>